

DOI: 10.31857/S0130386424040037

© 2024 г. А.А. МИТРОФАНОВ

КОНЦЕПЦИЯ «НАРОДНОГО РОЯЛИЗМА» В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЭПОХИ НАПОЛЕОНА: ЗА И ПРОТИВ

Митрофанов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: paxgallica@gmail.com

Scopus Author ID: 57219242225; ORCID: 0000-0002-8480-5345; Researcher ID: J-8249-2017; AAZ-9180-2021

Аннотация. В историографии эпохи Французской революции и наполеоновских войн в последние годы приобретает особую популярность концепция «народного роялизма». В статье представлен анализ основных положений и критика этой концепции на основе сочинений трех главных теоретиков – Поля Шоплена, Альваро Париса и Антони Артолы. Сам термин «народный роялизм», по мнению автора статьи, появился в результате старой, но не завершенной дискуссии о сущности контрреволюции в европейских странах в конце XVIII – начале XIX в. и альтернативах этого многозначного термина. Суть новой концепции сводится к следующему. Роялистские и контрреволюционные движения не носили ретроградного характера, отвечали актуальным запросам разных слоев общества в ситуации гражданской войны. Контрреволюция породила альтернативный путь политизации масс и способствовала возникновению новых моделей их политического участия. Роялисты присваивали и монополизировали старые источники политической легитимности – религию, монархию и традиционализм и адаптировали привычные дискурсы и образы к вызовам нового времени. Опираясь на идею легитимности, роялисты выдвигали широкий спектр требований не только консервативных, но и новаторских. По мнению автора статьи, конкретные примеры из европейской истории конца XVIII и начала XIX в., особенно из истории Италии, позволяют поставить перед авторами концепции «народного роялизма» несколько вопросов и показывают, что межклассовые альянсы во главе с роялистами были временными и неустойчивыми. Эти альянсы способствовали реставрации монархий, но только при иностранном военном вмешательстве. Но, поскольку национальные историографические традиции все еще очень устойчивы, предложенная новая концепция народных роялистских движений требует важных уточнений с учетом специфики исторического развития разных стран и регионов.

Ключевые слова: Франция, Италия, историография, контрреволюция, роялизм, Французская революция, наполеоновские войны, массовые движения, контрреволюционные движения.

A.A. Mitrofanov

The Concept of “Popular Royalism” in the Latest Historiography of the French Revolution and the Napoleonic Era: Pro and Contra

Andrey Mitrofanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: paxgallica@gmail.com

Scopus Author ID: 57219242225; ORCID: 0000-0002-8480-5345; Researcher ID: J-8249-2017; AAZ-9180-2021

Abstract. In recent years, the concept of “popular royalism” has gained popularity in the historiography of the French Revolution and the Napoleonic Wars. The author of the article analyses the main tenets and criticisms of this concept based on the writings of the three main theorists, Paul Choplin, Álvaro Paris, and Andoni Artola. The term “popular royalism” appeared as a result of an incomplete discussion about the essence of counter-revolution in European countries in the late 18th – early 19th centuries. According to the authors of the concept, royalist and counter-revolutionary movements were not retrograde in nature and met the actual demands of different layers of society in the situation of civil war. The counter-revolution gave rise to an alternative way of politicization of the masses and contributed to the emergence of new models of their political participation. The royalists monopolised old sources of political legitimacy and adapted familiar discourses and images to new challenges. Drawing on the idea of legitimacy, they put forward a wide range of demands that were not only conservative but also innovative. Nevertheless, specific regional cases, especially from Italian history, show that the cross-class alliances led by the royalists were temporary and unsustainable. These alliances contributed to the Restoration, but only with foreign military intervention. Yet, since the national historiographical traditions are still very stable, the proposed new concept of popular royalist movements requires substantial clarifications, taking into account the specifics of the historical development of different countries and regions.

Keywords: historiography, counter-revolution, royalism, popular royalism, French Revolution, Napoleonic Wars, Paul Chopelin, Álvaro Paris, Andoni Artola.

В поиске новых подходов в изучении эпохи «атлантических революций» XVIII–XIX вв. историки приступили к теоретическому переосмыслению устоявшихся за более чем два века ключевых понятий и концепций и даже предлагали новые и оригинальные историографические конструкции. Одной из таких конструкций является «народный роялизм».

К концу XIX в. во Франции сформировалась устойчивая традиция изучения роялистского движения, которая была связана с именами Жака Кретино-Жоли, Эдмона Бире, Эрнеста Доде, Бертрана Лавиня. Роялистские публицисты и ученые призывали к созданию новой истории роялистского движения на основе достоверных архивных источников, чтобы отвести в ней представителям низов «верных Богу и королю» их законное место и таким образом не уступать поле «народной» истории республиканцам. Наметилось историографическое противостояние, центральной темой которого явилось восстание в Вандее. Э. Доде, в свою очередь, предложил в серии работ всеобъемлющий подход не только национального, но и международного масштаба, уделяя первоочередное внимание французской эмиграции¹. Однако и ученые-республиканцы не пренебрегали изучением роялистских движений. Альфонс Олар отвел им почетное место в своем обобщающем труде о Французской революции (1901)². Но роль роялистов оценивалась им исходя из своеобразной республиканской политической матрицы. По мнению Олара, все действия,

¹ Daudet E. Histoire des conspirations royalistes du midi sous la révolution (1790–1793). Paris, 1881; *Idem*. Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. T. I–II. Paris, 1904–1905.

² Aulard A. Histoire politique de la Révolution française, origines et développement de la démocratie et de la République (1789–1804). Paris, 1901. P. 369–386, 530–532, 633–641, 674–678, 767–771.

интриги и манипуляции общественным мнением со стороны роялистов были нацелены на то, чтобы предотвратить неизбежный триумф демократических идей.

Классическая французская республиканская историография первой половины XX в. уделяла значительное внимание роялистским движениям при изучении политической истории Французской революции, однако не признавала за роялистами роли равных республиканцам соперников, так как это нарушало стройность всей концепции торжества демократических идей и самого республиканского строя. После 1945 г. под влиянием Жака Годшо и при поддержке Общества робеспьеристских исследований и Альбера Собуля наметился некий поворот в отношении к роялистам. Сначала внимание историков привлекали биографии отдельных контрреволюционеров и история роялистской прессы, а затем их внимание сосредоточилось на социальной истории контрреволюции. Подчеркнем, что именно Годшо в 1960-е годы существенно повлиял на то, что контрреволюция приобрела легитимный статус объекта университетских исследований, необходимого для понимания политических конфликтов эпохи революций в масштабах большого Атлантического региона. При этом Годшо трактовал контрреволюцию как понятие более широкое и многозначное, чем роялизм³. Впервые же понятие «народный роялизм» использовал Дональд Сазерленд в своей монографии о шуанах (1982), хотя и не рассматривал вопрос о роялистских симпатиях бретонских повстанцев подробно⁴.

Предпосылкой новых сомнений, поисков и формулировки рассматриваемой концепции явился опыт 1980–1990-х годов, когда ряд известных исследователей (К. Лукас, К. Мазорик, Р. Дюпюи, Ж.-К. Мартен и другие⁵) предложили свое видение широкого феномена контрреволюционного сопротивления народных масс в период Революции во Франции — «антиреволюции». Идея эта была чрезвычайно привлекательна, но на множество сложных вопросов ее авторам ответить не удалось даже за четыре прошедших десятилетия. Вокруг этой концепции не велось и длительных дискуссий, ибо большинство историков просто приняли ее к сведению. Э. Лёверс в 2011 г. по этому поводу заметил: «При рассмотрении разнообразия сопротивления Революции анализ народных движений представляет очевидные сложности. Глубокие новые исследования Мартена (1987) о гражданской войне в Вандее и Дюпюи (1988) о шуанерии подчеркивают сложность позиций и их (повстанцев.— А.М.) мотивацию. Чтобы преодолеть проблему, начиная с конца 1980-х годов историки предложили отличать контрреволюцию, определяемую по проекту, доктрине и реакционности действий, от антиреволюции по существу в основном народной, которая будет отказом от известных аспектов Революции без желания к возвращению status quo ante и без необходимого запасного проекта (Мазорик, 1987 г.). Границу между антиреволюцией и контрреволюцией не всегда легко уточнить, поскольку она неизбежно субъективна и поскольку антиреволюция может сама превратиться в контрреволюцию или стать ее инструментом»⁶. Более подробный анализ понятийных конструкций по этой теме предложил немецкий исследователь Фридман Пестель, который отметил, что «доминирующей чертой исторической литературы о контрреволюции

³ *Godechot J.* La contre-révolution: Doctrine et action, 1789–1804. Paris, 1961.

⁴ *Sutherland D.* The Chouans, the Social Origins of Popular Counter-Revolution in Upper Brittany, 1770–1796. Oxford, 1982; (французский вариант: *Sutherland D.* Les chouans, origines sociales de la Contre-Révolution populaire en Bretagne (1770–1796). Rennes, 1990. P. 21, 268–269).

⁵ *Lucas C.* Résistances populaires à la Révolution dans le sud-est // Mouvements populaires et conscience sociale XVI-e–XIX-e siècles. Paris, 1985. P. 473–485; *Mazauric C.* Autopsie d'un échec: la résistance à l'anti-Révolution et la défaite de la Contre-Révolution // Les résistances à la Révolution. Paris, 1987. P. 237–244; *Dupuy R.* De la Révolution à la Chouannerie: Paysans en Bretagne, 1788–1796. Paris, 1988; *Middell M., Dupuy R., Höpel T.* Widerstände gegen Revolutionen, 1789 bis 1989. Leipzig, 1994; *Martin J.-C.* Contre-révolution, révolution et nation en France, 1789–1799. Paris, 1998; *La Contre-Révolution en Europe (XVIII-e–XIX-e siècles): Réalités politiques et sociales, résonnances culturelles et idéologiques / sous la dir. J.-C. Martin.* Rennes, 2001.

⁶ *Leuwens H.* La Révolution française et l'Empire. Une France révolutionnée, 1787–1815. Paris, 2011. P. 176.

является преобладание франкоцентризма. В исследованиях иного революционного опыта либо именно сама Французская революция остается доминирующим ориентиром, либо в них используют контрреволюцию как категорию анализа, не признавая конкретных особенностей французского происхождения этой концепции. Последующие сравнительные наблюдения по истории Славной революции, Американской, Гельветической и Гаитянской революций призывают к осторожности в отношении таких обобщений и также призывают выявить сложную семантику переплетения между французским и другими революционными контекстами⁷.

Двухсотлетие Революции во Франции способствовало появлению многочисленных комплексных публикаций о контрреволюции. В частности, вышли коллективный труд под редакцией Жана Тюлара, монографии Жерара Жанжамбра и Дональда Сазерленда. Последний, пожалуй, впервые предложил единый нарратив, где повествование о французских революционерах и контрреволюционерах стало единым целым⁸. Последняя книга вдохновила Жана-Клемана Мартена опубликовать программную статью с призывом обратить, наконец, на контрреволюцию не меньшее внимание, чем на саму революцию. Он видел в этом единственный способ сделать понятным жестокое насилие диктатуры монтаньяров, не преуменьшая и не преувеличивая его масштабы⁹. После целой серии работ по истории восстания в Вандее и ее образа в исторической памяти французов Мартен пожелал привлечь внимание к проблеме вооруженного сопротивления в этом регионе и к необходимости нового критического подхода к дефинициям. Он же обозначил и переход к изучению контрреволюции в транснациональной перспективе.

Но увеличение и качественные изменения в этой тематике стали происходить позднее — в конце 2000-х годов, когда в историческом сообществе сложилась ситуация, в которой наметились синтез национальных историографических традиций и тенденция к отказу от давления негативной семантики в деле изучения феномена контрреволюции. Одновременно продолжилось и расширение хронологических рамок таких исследований. Коллоквиумы в Лионе и Риме, посвященные «контрреволюционной» политической культуре, состоявшиеся в 2008 и 2009 гг. позволили увидеть, что исследователи занимаются весьма схожей проблематикой в промежутке между 1770 и 1914 гг., уделяя первостепенное внимание народному компоненту в контрреволюционном движении в разных странах. В 2016 г. уже Йельский университет организовал международный коллоквиум «Народный роялизм в революционном атлантическом мире», где была ясно обозначена тема роли роялизма и народной приверженности ему в сравнительной перспективе и транснациональном измерении. Подведение итогов коллоквиума позволило его организаторам заявить о полной автономности действий людей, которые открыто сражались за дело и права низложенного монарха или монарха, власть которого оспаривалась. С отказом от старых клише появилась и возможность сравнить самые различные формы политического протагонизма роялистов¹⁰. Но даже такое значимое собрание не смогло сразу преодолеть определенные «блоки» при выработке общего определения «народного роялизма» по причине глубоких различий национальных историографий. Региональные примеры разных «роялизмов» хорошо демонстрируют специфику, но несопоставимы по ряду важных критериев. Наконец, состоявшийся в 2018 г. франко-испанский коллоквиум (Париж — Витория-Гастейс) «Реакции и народный роялизм в эпоху революций 1789—1848 гг.» наглядно показал, что контуры

⁷ *Pestel F.* On counterrevolution. Semantic investigations of a counterconcept during the French Revolution // *Contributions to the History of Concepts.* 2017. Vol. 12. Iss. 2. P. 68–69.

⁸ *La Contre-Révolution – Origines, histoire, postérité / sous la dir. J. Tulard.* Paris, 1990; *Gengembre G.* La Contre-Révolution ou l’Histoire désespérante. Paris, 1989; *Sutherland D.* France, 1789–1815: Revolution and Counterrevolution. London, 1985.

⁹ *Martin J.-C.* Un bicentenaire en cache un autre. Repenser la Terreur? // *Annales historiques de la Révolution française.* 1994. № 297. P. 517–526.

¹⁰ *Echeverri M.* Presentation: Monarchy, Empire, and Popular Politics in the Atlantic Age of Revolutions // *Varia Historia.* 2019. № 35 (67). P. 15–35.

общего объекта исследования вполне ясны. И вот уже в 2021 г. вышел тематический номер ведущего научного журнала «Исторические анналы Французской революции» под общим заглавием «Роялизмы и роялисты в революционной Франции»¹¹. Самим заголовком авторы подчеркивают, что сторонники монархии и династии вовсе не были едины во взглядах и действиях, и правильнее вести речь о сосуществовании разных роялистских течений. В этом номере ряд известных историков: П. Шоплен, М. Белисса, Ф.Б. де Баланда, Л. Кювелье, М.С. Мормиль, А. Ролан-Булестро, К. Вейс, С. Бельмонт, С. Мабо и Л. Булар обращаются к различным сюжетам Французской революции XVIII в.: к сложным и подчас напряженным отношениям между монархистами и роялистами, теории властей Луи де Бональда, к вопросу о политической пропаганде роялистов в революционном Париже, отношениям между представителями династии Бурбонов в изгнании и роялистами внутри Франции, к Вандейскому восстанию и деятельности так называемой банды в городе Обань, к роли женщин в повстанческом движении шуанов и взаимосвязи между «народным роялизмом» и страхом контрреволюционного заговора в период диктатуры монтаньяров.

Роль модератора дискуссии на этом этапе взял на себя историк из Лиона Поль Шоплен, который выступил с программной статьей. Хронологические рамки этого знакового номера «Исторических анналов» ограничены 1789–1800 гг., так как, по его мнению, роялисты в 1800–1815 гг. сражались в меньшей степени против революции, но в большей степени против «узурпации» Наполеоном и его династией самой монархической власти¹². Многие авторы специально и впервые артикулировали здесь сам термин «народный роялизм» в противовес привычным контрреволюции и роялизму. Шоплен предложил несколько важных обобщений. «Если роялисты и известны в историографии Французской революции, — замечает он, — то роялизм как политический выбор, конкурирующий с республиканским выбором, никогда по-настоящему не был предметом общего теоретического размышления, если не считать краткого и ценного синтеза, который Джеймс Озен 25 лет назад посвятил некоторым выдающимся деятелям, символизирующим это движение»¹³. В «Историческом словаре Французской революции» есть статья «Роялизм/роялисты», но там очень кратко описывается это явление как серия актов сопротивления республиканскому режиму, без внятного определения условий и обстоятельств этого течения. Во всех подходах, отмеченных республиканской телеологией, королевская власть лишена какой-либо легитимности при воплощении проекта будущего: это ушедшая в прошлое система, за которую пытаются цепляться вопреки всему некоторое число бывших привилегированных и наивных манипулируемых. Это только отказ, и он не может рассматриваться как альтернатива. Те же, кто ностальгировал по королевской семье, со своей стороны подчеркивали роялизм «белых», чья храбрость и самопожертвование на службе «традиции» считались образцами для подражания»¹⁴.

Шоплен пытается подвергнуть сомнению существующий, как он полагает, историографический консенсус, обращаясь к роялизму во всем его разнообразии и сложности: «Если эта тема сегодня и привлекает внимание многих исследователей, то все же становится ясно, что приверженность роялизму в атлантическом регионе не демонстрирует какого-либо единства и возникает она из самых разных социальных и институциональных контекстов. Также не существует и стандартной модели взаимодействия, которая могла бы служить общим политическим ориентиром. Поэтому сравнительный подход чрезвычайно трудно реализовать на практике. Единственным общим моментом является личная преданность государю, обладателю суверенитета («контрреволюционный роялизм») или гаранту конституции, основанной на народном суверенитете («конституционный» или «либеральный»

¹¹ *Annales historiques de la Révolution française*. 2021. Vol. 403. (Royalismes et royalistes dans la France révolutionnaire).

¹² *Chopelin P.* Royalismes et royalistes dans la France révolutionnaire // *Annales historiques de la Révolution française*. 2021. Vol. 403. P. 4.

¹³ *Osen J.L.* The royalist political thought during the French Revolution. Westport (CT), 1995.

¹⁴ *Chopelin P.* Op. cit. P. 3.

роялизм). Во всех случаях роялизм, как и бонапартизм, соответствует потребности обращения к власти, которую воплощает собой или представляет династия, наделенная исторической миссией, часто провиденциальной, по обеспечению социального порядка.

Династический принцип является гарантией стабильности, существование на вершине государства постоянного собеседника, ответственного за поддержание политического и социального баланса страны или империи. Именно изучение модальностей конституции и поддержания уз лояльности индивидуума или группы индивидуумов по отношению к династии позволяет понять феномен роялизма как специфическую политическую культуру»¹⁵.

Итак, французские историки – специалисты по периоду Революции устами Шоплена предельно ясно высказались по данной теме, не упуская лидерства в ее разработке. Следующим этапом стало появление в 2023 г. коллективной монографии на английском языке «Роялизм, война и народная политика в эпоху революций 1780–1870-х годов. Во имя короля» под редакцией испанских историков Антони Артолы и Альваро Париса. В данной работе заметно, что большая интернациональная команда исследователей, работающих в данном направлении, уже высказывает претензию на формирование новой методологии и даже программы на перспективу. Обобщая выводы коллективных штудий по вопросу о народном роялизме, А. Артола и А. Парис задают вектор размышлений и поисков. До 1789 г. термин «роялист», отмечают они, в большинстве европейских языков относился к Гражданской войне в Англии XVII в. Однако более широкое распространение он получил именно в период Французской революции XVIII в. и позднее, когда европейские монархии оказались под серьезной угрозой. Монархическое правление больше не считалось чем-то само собой разумеющимся, поэтому дело короля нуждалось в убежденных сторонниках, готовых защищать его с оружием в руках. Понятия «роялизм» и «роялист» означали разные вещи в разные времена и в разных регионах в эпоху Французской революции (здесь и далее используется термин «революция» без уточнения). В одних странах и областях этот термин стал безоговорочно ассоциироваться с контрреволюцией, в других же вполне реальной альтернативой было существование «конституционного роялизма». В политическом контексте эпохи Революции роялисты представляли свою политическую «программу» как торжество здравого смысла, не разрабатывая ее в том русле, как мы сегодня понимаем политическую программу движения или партии. Истины роялизма представлялись активистам этого движения самоочевидными.

Принципиальные же позиции Париса и Артолы сводятся к следующему. Роялистские и контрреволюционные движения не предлагали «возвращения» в прошлое и восстановления старого социального порядка, они черпали свою легитимность в истории, но в то же время давали и новые ответы на актуальные запросы самых разных слоев общества, погрузившегося в хаос и испытывавшего чувство неопределенности. Контрреволюция была реакцией на Революцию, но это было нечто большее, чем просто самозащита. Она породила альтернативный путь политизации и способствовала возникновению новых моделей политического участия для широких масс. В то время как революционеры вводили новые, основанные на абстрактных рациональных идеях, принципы организации общества, те, кто выступал против них, пытались присваивать и монополизировать традиционные источники политической легитимности – религию, монархию и традиционализм. Роялисты и контрреволюционеры адаптировали привычные дискурсы и образы (о Боге, короле, родине) к вызовам нового времени. В этом контексте монархия приобретала трансцендентное значение, становилась символом порядка, ключевым ориентиром в новой системе общественных координат. С опорой на эту идею легитимности роялисты выдвигали от имени короля широкий спектр требований не только консервативных, но и новаторских.

¹⁵ Ibid. P. 22.

Монархия в их представлении была достаточно гибким институтом, чтобы удовлетворить очень противоречивые ожидания самых разных социальных групп¹⁶.

Уже цитировавшийся выше Шоплен также развивает в коллективной монографии свои идеи, подчеркивая важность точных определений и общей типологии¹⁷. Он очерчивает концептуальные рамки самого термина «роялизм», который имел сложное и изменчивое значение, и объясняет политические и идеологические причины, по которым изучение роялизма до сих пор считалось политически «некорректным» и потому не пользовалось академическим престижем. Хотя роялизм можно изучать как специфическое явление, независимо от контрреволюции и ультраправых политических течений, современная специальная историография не дала единого определения этого термина, утверждает Шоплен и предлагает свой вариант типологии. Он констатирует: «Существовало множество роялизмов, которые необходимо рассматривать в каждом конкретном отдельном случае, чтобы понять идеологический и социальный плюрализм этого движения в XIX веке, — от ультрароялизма к роялизму либеральному и демократическому»¹⁸. Например, в истории Франции после 1791 г., а еще более отчетливо после августа 1792 г. это течение разделялось на три ветви. Во-первых, на «контрреволюционных роялистов», которые стремились вернуться к ситуации до 1789 г., или по крайней мере к «абсолютистскому компромиссу» королевской декларации от 23 июня 1789 г. Во-вторых, на «конституционных роялистов», которые хотели возродить конституцию 1791 г. с сильной исполнительной властью. В-третьих, на представителей неинституционального роялизма — безусловных приверженцев королевской династии, в которой они видели воплощение наилучшей модели социального порядка. Вероятно, низовой роялизм французский историк относит именно к третьей категории.

Итальянские примеры Шоплен анализирует только в общих чертах, но на испанском заостряет внимание. В историографии Испанской империи роялистами традиционно называют очень разные силы. Роялисты образца 1810–1814 гг. выступали за подчинение Регентскому совету и Кадисским кортесам, в отличие от патриотов — сторонников местных автономных хунт, для которых преданность испанской короне вовсе не являлась безусловной. В американских колониях Испании роялисты сражались против сторонников независимости. Они делились на сторонников авторитарной монархии «абсолютистов», умеренного реформизма и так называемых либералов — приверженцев либеральной конституции 1812 г. В 1814 г. Фердинанд VII отменил конституцию, и ситуация изменилась. В период «либерального трехлетия» (1820–1823), а затем с началом карлистских войн в 1833 г. имели место два противоборствующих роялизма: контрреволюционный роялизм и либеральный роялизм. Но прогресс и промышленная революция изменили общество, и позиции ультрароялистов ослабевали, так как возврат к прошлому, в частности к социальной структуре Старого порядка, стал абсолютно иллюзорной целью¹⁹.

Наиболее важные и интересные констатации можно почерпнуть из монографической главы самого А. Париса²⁰, где он представляет общий анализ «народного роялизма» на основе материалов из истории трех монархий, которыми управляли ветви дома Бурбонов: Испании, Франции и Неаполитанского королевства. Он показывает, как народное участие в революционных и наполеоновских войнах сформировало новые отношения между королем и его подданными. Комбатанты-роялисты чувствовали себя вправе требовать у правительства определенной награды в обмен на свою службу, тем самым открывая путь для выражения своих социальных и экономических требований. Массам были предоставлены

¹⁶ Paris A., Artola A. Introduction // *Royalism, War and Popular Politics in the Age of Revolutions, 1780s–1870s*. Cham, 2023. P. 2–3.

¹⁷ Chopelin P. *Royalist Commitment in the Age of the Atlantic Revolutions (1770s–1820s): Some Initial Definitions and Guidelines for Future Research* // *Ibid.* P. 17–38.

¹⁸ *Ibid.* P. 22.

¹⁹ *Ibid.* P. 23.

²⁰ Paris A. King, War and Bread: Popular Royalism in Southern Europe (1789–1830) // *Royalism, War and Popular Politics...* P. 61–88.

оригинальные средства политического участия, с помощью которых трудящиеся вмешивались в процесс трансформации традиционных монархий.

Чтобы эффективно противостоять революционному вызову, полагает Парис, роялистам пришлось прибегнуть к социальной и военной мобилизации самых широких слоев населения. Но люди, которые сражались во имя короля, боролись за собственные идеалы и ценности, а также за решение своих повседневных проблем. Поэтому роялисты должны были предложить им набор эффективных инструментов, а не просто утопический побег в прошлое²¹. «Народный роялизм» в Южной Европе являлся оригинальной формой участия масс в политике, посредством которой трудящиеся находили способ вмешиваться в трансформацию традиционных монархий в революционную эпоху. Вместо того чтобы по умолчанию полагать, что народные низы естественным образом были склонны к принятию революционных идей, А. Парис предлагает определить: какие именно выгоды и возможности они могли получить, сражаясь против революции? Во-первых, традиционная монархия давала возможность легитимизировать немало притязаний, пока они выражались в знакомом всем дискурсе лояльности и служения. Во-вторых, монархическая культура представляла известную систему координат, с которой было легко иметь дело большинству населения, в отличие от новой – революционной и республиканской, которая отставалась образованным средним классом, торговой и культурной элитой. Однако роялисты из народа не ограничились атаками против социальных групп, связанных с рыночной экономикой. Гражданская война создавала поляризованный ландшафт, в котором любой мог быть заподозрен в пособничестве врагу. Это состояние своеобразной паранойи позволяло простым людям в преследовании «предателей» указывать и на представителей высших классов как на бонапартистов, якобинцев и либералов, что оправдывало насилие, обращенное против них. Эти антиэлитные дискурсы иногда инициировались и подпитывались самими монархами. Традиционные элиты, которые до сих пор были опорой монархии, в таких случаях идентифицировались как пособники революционеров, тем самым простонародье представлялось единственным заслуживающим доверия классом общества из-за его «естественной» верности своему королю. В свою очередь, такой дискурс был чрезвычайно полезен и для обеспечения соблюдения личного авторитета короля, подрывая систему привилегий и льгот, которые являлись ограничителями его абсолютной власти. Тем временем дворянство, чиновники и все те, кому было что терять, изображались как склонные к компромиссу с противником ради соблюдения своих интересов. Идея о том, что только простые люди достойны доверия династии, означала, что король мог ликвидировать любой институт или форму посредничества во власти, которые вмешивались бы в дела его личного правления. Бурбоны пытались направить широкий контрреволюционный энтузиазм масс к своей выгоде, стараясь избавиться от своих врагов и вместе с тем установить новый тип авторитарной монархии, который расширял пределы их власти, существовавшие при Старом порядке. Однако сценарии этого процесса были противоречивыми, ситуация рисковала выйти из-под их контроля. Так произошло во время народной анархии в Неаполе (1799), в период «белого террора» во Франции (1815) и в наиболее бурный период второй абсолютистской Реставрации в Испании (1825–1827). Но не следует переоценивать способность роялистов из низших классов достигать своих целей. Иногда роялисты из народа ставили монархию под удар и даже бросали вызов самой власти, но в конечном итоге им не хватало усилий, ресурсов, логистики, не было у них и возможности сформулировать собственный альтернативный социальный-политический проект, отвечавший надеждам широких масс²².

Выводы Париса оригинальны и заслуживают внимания, хотя выбор и сравнение режимов во Франции, в Испании и в Неаполе только на основании того, что там правили Бурбоны и имела место Реставрация, представляет известные сложности. Привязка же политической мотивации низов и просвещенных элит непосредственно к экономическим

²¹ Ibid. P. 62.

²² Ibid. P. 79–80.

факторам также вызывает вопросы хотя бы потому, что роялистские восстания были связаны с приверженностью народных масс традиционным ценностям и католической вере в меньшей степени, нежели с исключительно экономическими мотивами. Наконец, сравнение проявлений «белого террора» в трех странах также требует более критического отношения. Масштабы и специфика этого феномена там были совершенно разными, а в Неаполитанском королевстве в 1799 г. все завершилось массовыми казнями республиканцев, чего не было во Франции 1814–1815 гг., пережившей 10 лет Революции и 14 лет наполеоновского господства.

Чтобы концепцию «народного роялизма» отразить в полной мере, приведем еще один пример. Антони Артола обращается к малоизвестному в историографии сюжету – роялизму в Стране басков в первые десятилетия после завершения Наполеоновских войн (1814–1833) и в этом очерке излагает ряд принципиально важных мыслей²³. По мысли Артолы, Страна басков – один из важнейших центров антилиберального сопротивления в Южной Европе. Для правильного понимания любой формы «народного роялизма» Артола предлагает вернуться к эмпирическим источникам, сначала вообще отказавшись от категорий «роялизм» и «народный», и пересмотреть вопросы националистической / протонационалистической природы баскского сопротивления и его мотивации, не обременяя себя семантической тяжестью понятий «роялизм» и «народ». Изучение архивных материалов позволяет предположить, что связи между роялистской элитой и народными слоями проявлялись в покровительстве, клиентелизме и кланово-семейных отношениях, вокруг которых структурировались сообщества при Старом порядке.

Артола показывает, что в исследованиях народного движения в Испании первой трети XIX в. идеологический компонент до сих пор превалировал над социальными характеристиками и социальным контекстом, что в корне неверно. Сами просвещенные испанские, в частности баскские, элиты несли долю ответственности за возникновение нового гражданского конфликта. Со времени начала Французской революции роскошь, мода и французский вкус становятся в Испании элементами общественной нестабильности, тогда как низы придерживались моральной строгости, ортодоксального католицизма и традиционной семейной иерархии. Но мотивы народного недовольства были сосредоточены не только в области культуры, религии и повседневных практик. Представители низов осуждали коррумпированность элит, мошенничество, повышение арендной платы за землю и кредиты с чрезмерными процентными ставками, они испытывали искреннюю ненависть к либералам, юристам, торговцам и ростовщикам.

Испанский ученый реконструирует прототип социальной и политической программы роялизма в Стране басков. Народное роялистское движение – это временный альянс 1820-х годов, в который входили крестьяне, ремесленники, маргинальные элементы, контрабандисты и священнослужители. А «сверху» его скрепляла элита, связанная с самим монархом, что придавало определенную степень единства группе и обеспечивало ей логику. Часть аристократов-роялистов стремилась создать после окончания войны межклассовый союз против любой потенциальной революции и хорошо понимала причины недовольства народных классов и социальную структуру общества. В действительности формирование воинствующего роялизма в Стране басков произошло только в течение «либерального трехлетия». В деле активизации народных масс сыграли свою роль связи зависимости или патрон-клиентские отношения, укорененные довольно прочно. Народный гнев был направлен против либерально-реформаторских элит, но за приверженностью народа к роялизму скрывалось традиционное коллективное насилие, являвшееся неотъемлемой частью традиционных форм протеста, и его невозможно было подчинить какой-либо дисциплине. Реставрация абсолютизма в Испании 1823 г. не оправдала радикальных

²³ Artola A. Between discipline and rebellion: popular participation in Basque royalism (1814–33) // *Royalism, War and Popular Politics...* P. 147–168.

социально-экономических чаяний комбатантов из низов, которые совершенно не вписывались в программу роялистов из числа элиты, заключает Артола²⁴.

Итак, концептуальные положения о «народном роялизме» выглядят уже как некая методология. Другие участники авторского коллектива цитируемой монографии развивают их на примерах прочих стран и регионов Европы и Америки. Отметим только, что компаративный подход в изучении этой темы требует использовать исторический материал в широких хронологических рамках, отнюдь не ограничиваясь периодом Французской революции, наполеоновских войн и их ближайшими последствиями²⁵. Создается впечатление, что авторы – теоретики концепции «народного роялизма» пользуются хорошо знакомым с революционных времен методом амальгамы, когда разнородные явления волонтаристски объединяются по одному схожему принципу. Не является ли интерпретация всего народного антиреволюционного движения через роялизм чисто интеллектуальной операцией? И не является ли «народный роялизм» в ряде случаев своеобразной научной метафорой?

С одной стороны, ясно, что концепция «народного роялизма» – это подспудная, а в большей степени явная, попытка высветить политизацию широкого спектра движений, протестов и даже разбойных действий (*brigantaggio*, *banditismo*). С другой стороны, «народный роялизм» предлагают трактовать как результат поиска общественного консенсуса, исходя из того, что только реставрация законной династии могла обеспечить соблюдение общих интересов самых разных социальных групп. Иначе говоря, авторы концепции претендуют на интерпретацию социальную, а не только политическую. При этом они далеки от того, чтобы приписывать адептам «народного роялизма» желание реставрировать во всей полноте Старый порядок. Здесь мы возвращаемся к уже известной концепции «антиреволюции». С нашей точки зрения, «народный роялизм» и «антиреволюция» – это конкурирующие модели интерпретации народного движения и выбор тем или иным автором одной или другой модели предопределяется двумя основными объективными факторами: устойчивостью национальной историографической традиции и наличием доступных источников, освещающих деятельность не только элит, но и народных низов.

И все же сформулируем ряд возражений и вопросов к новой концепции, которые надо принимать в расчет, поскольку, на наш взгляд, претензии на ее универсальность, тем более в хронологии большой длительности, должны быть лучше обоснованы.

Во-первых, устоявшаяся терминология насчитывает уже более 230 лет и уходит своими корнями в революционный лексикон 1790-х годов. Ссылка на негативные коннотации не может служить обоснованием для радикального отказа от ее использования. Во-вторых, эпистемологический потенциал понятия «контрреволюция» невероятно широк и, несмотря на все оговорки и трактовки различных коннотаций, далеко не исчерпан, он не ограничивается только политическим и социальным сопротивлением Революции, но и позволяет говорить о том, что «контрреволюция» была естественной частью и продолжением самой Революции²⁶. В-третьих, при использовании термина «народный роялизм» в каждом конкретном случае следует еще доказать, что настроения широких социальных групп были именно роялистскими. А политическая программа в ходе народных волнений и восстаний почти никогда не формулировалась отчетливо. И если антиреспубликанский или антиреволюционный характер народных восстаний не подвергается сомнению, то роялистские лозунги нередко являлись плодом воображения республиканских чиновников и военачальников, а также журналистов. В-четвертых, необходимо внести уточнения и ясность в отношении тех народных движений сопротивления, которые возникали на религиозной почве. Ведь требования отмены гражданской конституции духовенства и возвращения

²⁴ Ibid. P. 155, 157, 162.

²⁵ Например, Стейнар Зэтер анализирует взаимоотношения короля и подданных в абсолютистских монархиях в Скандинавии и Испанской Америке (*Sæther S.A. Popular royalism in Scandinavia and Spanish America before 1814 // Royalism, War and Popular Politics... P. 39–60*).

²⁶ «Направления процесса контрреволюции были различны, разделяющая грань между революцией и контрреволюцией оставалась проницаемой и гибкой» (*Pestel F. Op. cit. P. 74*).

неприсягнувших священников, которые звучали во Франции, и призывы к восстановлению погранных прав церкви в других странах не были тождественны требованию восстановления монархии и возвращения свергнутых династий. Знаменитым стал лозунг вандейцев: «Верните нам наших добрых священников, и мы вам оставим короля!»²⁷

Наконец, уместно задать вопросы авторам концепции, опираясь на исторический опыт конкретных регионов. Здесь мы будем исходить не из французского, испанского и заокеанского опыта, но из опыта северо-западных частей Италии. Оговоримся, что эти примеры никак нельзя назвать хрестоматийными: регионы Сардинской монархии развивались «на разных скоростях» и заметно отличались от прочих итальянских земель.

В ряде государств и регионов Европы роялистские настроения формировались стихийно и не были устойчивыми. Налицо было движение вспять, когда активное сопротивление быстро перетекало в пассивные формы традиционного социального протеста, пусть и в новых политических условиях. Здесь как раз и можно привести пример земель бывшего Сардинского королевства. Например, после присоединения к Франции Савойи введение гражданской конституции духовенства и призыв в республиканскую армию спровоцировали крупные восстания 1793 г. вполне роялистские по своему характеру, тогда как еще более жесткая политика дехристианизации 1794 г., проводившаяся там же, побудила население перейти к пассивным формам сопротивления, и на территории этого альпийского региона больше не фиксировалось крупных восстаний. Не звучало там до 1814 г. и призывов восстановить власть Савойской династии. А вот в бывшем графстве Ницца между 1792 и 1802 гг. бушевало контрреволюционное повстанческое движение барбэ²⁸. Его участники были далеки от большой политики, но происходила эволюция народных предпочтений: в самом начале они поддерживали Савойскую династию, а к концу десятилетнего периода – уже Людовика XVIII. В Пьемонте политизация народного протеста началась только в 1799 г. и развивалась по схожей траектории до начала австрийской оккупации региона, но первая Реставрация в Пьемонте длилась всего год. Спад и обратная динамика народного движения в этом большом регионе прослеживается после введения Наполеоном в действие положений Конкордата с Римом в 1802 г. и проведения широкой политической амнистии. Духовенство нехотя приняло республику, а вчерашние роялисты пошли в компромисс с новой властью и превратились в мирную латентную оппозицию.

Еще более сложной была ситуация на Сардинии, с 1720 г. принадлежавшей Савойскому дому. В 1793 г., после неудачной французской морской экспедиции, имевшей целью присоединить ее к Франции, там начинаются крестьянские восстания. Затем этим решили воспользоваться местные элиты, настроенные против метрополии и засилья пьемонтцев в органах власти и требовавшие широкой автономии. В этом вопросе они добились уступок со стороны короля. Однако крестьянское движение не утихло до 1796 г. Никогда его участники не выступали против короля Виктора-Амедея III, но весь политический конфликт на острове развивался вообще в иной парадигме: вопрос о создании республики не стоял²⁹. Кем в таком случае были сардинские повстанцы, если поместить их в рамки новой концептуальной типологии?

Между 1800 и 1814 гг., в период наполеоновского господства в Италии, бóльшая часть протестов против новых французских порядков принимала формы довольно пассивные. (Мы, разумеется, выносим за скобки бандитизм и разбой, общие масштабы которых еще предстоит понять и которые были мотивированы очень разными причинами³⁰.) В одних случаях это был саботаж, в других – контрабанда, в-третьих – тайная помощь организованным бандитским отрядам, дезертирам и уклонистам от призыва в наполеоновскую армию

²⁷ Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М., 2020. С. 172.

²⁸ *Iafelice M. Barbets! La résistance à la domination française dans le pays niçois 1792–1814.* Nice, 1998.

²⁹ *Carta L. La Sardegna nel Settecento.* Cagliari, 2023. P. 138–142, 147–161, 175–184.

³⁰ *Broers M. Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821: state building in Piedmont.* Lewiston (NY), 1997. P. 334–349; *Cadet N. Honneur et violences de guerre au temps de Napoléon: la campagne de Calabre.* Paris, 2015. P. 189–224.

и даже литургическое сопротивление церковным реформам³¹. Аристократия, ее разнородные клиенты и буржуа концентрировали свои усилия в интеллектуальной сфере, продвигая национальную идею и пропагандируя изучение родного языка, объединяясь в оппозиционные сети, наподобие религиозных братств и карбонариев. В этом смысле в Италии наблюдались процессы схожие с аналогичными процессами в самой Франции с поправкой на национальную составляющую³². Имеем ли мы возможность говорить о том, что и все эти формы пассивного сопротивления тоже связаны с феноменом «народного роялизма»?

Как быть со знаменитыми примерами так называемого белого террора 1795–1799 гг. во Франции и в Италии 1799 г., активисты которого были, безусловно, одержимы идеей мщения, но причины этого феномена были вполне локальными, иногда связанными с клановыми конфликтами и не имели прямого отношения к большой политике³³. Вписывается ли «белый террор» в новую концепцию и типологию? Если исходить из примеров истории Северной Италии, то он был стихийным явлением «снизу», как и во Франции 1795 и 1815 гг. Если принять за основу неаполитанский случай, то вскоре после окончания «анархии» начались организованные репрессии «сверху».

Можно ли утверждать, что реставрация династий, например в Неаполе, Турине и Флоренции 1799 г., была результатом действий именно «народного роялистского движения»? Если исходить из источников, то наиболее частым термином была «роялистская анархия», а сами инсургенты активно примыкали к отрядам армий Второй антифранцузской коалиции. Единственным примером крупного народного ополчения была армия санфедистов под началом кардинала Руффо в Неаполитанском королевстве³⁴. Аналогичные попытки создать собственную армию майора Бранды Лучони в Пьемонте и повстанцев Тосканы имели немалый успех, но никогда не достигали подобного масштаба³⁵. Не будем забывать, что именно весенние известия о победах русско-австрийской армии под командованием А.В. Суворова побудили десятки тысяч людей по всей Италии взяться за оружие и изгнать французскую армию. Без успехов армии коалиции Реставрация была едва ли возможна.

На территориях бывшей Генуэзской и Венецианской республик народные антифранцузские и антиякобинские движения 1797–1799 гг. никак не были связаны с монархической идеей и вовсе не были антиреспубликанскими³⁶. Но по своему социальному характеру и целям они были совершенно идентичны движениям в Тоскане, Папском государстве или Неаполитанском королевстве. В этой связи снова уместно упомянуть о религиозном факторе: католическое духовенство одинаково играло ведущую роль практически во всех

³¹ Broers M. The politics of religion in Napoleonic Italy. The war against God, 1801–1814. London; New York, 2002. P. 79–81; *Idem*. Napoleon's Other War. Bandits, rebels and their pursuers in the age of revolutions. Oxford, 2010. P. 89–99.

³² О ситуации во Франции см.: *Gaubert H.* Conspirateurs au temps de Napoleon I-er. Paris, 1962; *Villefosse L., Bouissounouse J.* L'opposition à Napoléon. Paris, 1969; *Minart G.* Les opposants à Napoléon. 1800–1815, l'élimination des royalistes et des républicains. Toulouse, 2003; *Bertaud J.-P.* Les royalistes et Napoléon 1799–1816. Paris, 2009.

³³ Beyond the Terror: Essays in French regional and social history 1794–1815 / eds G. Lewis, C. Lucas. Cambridge, 1983; Folle controrivoluzionarie. Le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica / a cura di A.-M. Rao. Roma, 1999; *Clay S.* Les réactions du midi: conflits, continuités et violences // Annales historiques de la Révolution française. 2006. № 345. P. 55–91; *Ibid.* Justice, vengeance et passé révolutionnaire: les crimes de la terreur blanche // Annales historiques de la Révolution française. 2007. № 350. P. 109–133; *Sutherland D.* Murder in Aubagne: lynching, law, and justice during the French Revolution. New York, 2009.

³⁴ *Rodolico N.* Il Popolo agli inizi del Risorgimento nell'Italia Meridionale 1799–1801. Firenze, 1926. P. 233–264; *Davis J.A.* Naples and Napoleon. Southern Italy and the European Revolutions, 1780–1860. Oxford; New York, 2006. P. 107–128. *Чудинов А.В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 25–41; *Turi G.* Guerre civili in Italia: 1796–1799. Roma, 2019.

³⁵ *Митрофанов А.А.* Христианское воинство Бранды Лучони. Два века черной легенды // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 116–140; *Albera M., Sanguinetti O.* Il maggiore Branda de' Lucioni e la "Massa cristiana". Aspetti e figure dell'insorgenza anti-giacobina e della liberazione del Piemonte nel 1799. Torino, 1999; *Turi G.* Viva Maria. Riforme, rivoluzione e insorgenze in Toscana (1790–1799). 2 ed. Bologna, 1999.

народных движениях в Италии. Идея восстановления прав церкви была главной в народном сознании. А как убедительно показал еще Г. Льюис, правда, на французском материале, народное контрреволюционное движение ради исторической точности следует называть католическим и роялистским одновременно³⁷.

И, наконец, в истории общественной мысли и пропагандистской литературы конца XVIII – начала XIX в. известны примеры теоретического обоснования того, что Шоплен, Артола и Парис, собственно, именуют «народным роялизмом». На итальянском материале этот вопрос хорошо разработан в работах Лучано Гуэрчи³⁸. В многочисленных историко-теоретических текстах 1790-х годов речь шла о защите церкви и монархии. Ж. де Местр уже в 1793 г. ревностно занимался пропагандой народного сопротивления в землях Савойской династии³⁹. Эти его труды нельзя назвать очень удачным и успешным примером, так как народное сопротивление Революции в Савоие завершилось осенью 1793 г. победой французских республиканских сил⁴⁰. Пример публициста и священника Л.И. Тиулена, опубликовавшего в 1799 г. несколько изданий «Нового философско-демократического словаря» на итальянском языке, можно оценивать как продолжение этой пропагандистской работы, но о степени проникновения его идей, как и идей де Местра, в народную среду говорить весьма сложно⁴¹.

М. Брозэрс уже давно подметил, что «контрреволюция» 1799 г. в итальянских землях была успешной благодаря ситуативному альянсу аристократии, духовенства и широких народных масс, прежде всего крестьянства. Но этот альянс оказался крайне недолговечным и после 1800 г. фактически распался⁴². Добавим, что дальнейшие исследования истории Савойских земель это подтверждают: тяжелый год австрийской оккупации продемонстрировал, что новые повелители не заботятся о народных чаяниях и нуждах и не способны нивелировать глубокий экономический кризис. Разочарование народа не замедлило скакаться на ситуации: в июне 1800 г., после битвы при Маренго, французов в Северной Италии встречали словно освободителей от тяжкого ига. Отметим, что и план французских роялистов зимой и весной 1800 г., желавших опереться на народные низы в деле организации крупного восстания в пограничных с Пьемонтом департаментах южной Франции, также не увенчался успехом⁴³.

Вышеизложенное – это только призыв к более глубокому осмыслению феномена «народного роялизма», его концептуализации и детализации. Мы не умаляем достоинств самой новой концепции и признаем, что стихийные промонархические и легитимистские настроения в широких народных слоях в ряде стран имели место. Вопрос только в том, когда и где конкретно историки вправе провозглашать первые успехи «народного роялизма». Если «народный роялизм» можно трактовать как альтернативу экспериментам

³⁶ *Bevilacqua E.* Le Pasque Veronesi. Monografia storica documentata. Verona, 1897; *Bonafini F.* Verona, 1797. Il Furore di una città. Verona, 1997; *Romagnani G.P.* Dalle “Pasque veronesi” ai moti agrari del Piemonte // *Folle controrivoluzionarie. Le insorgenze popolari nell’Italia giacobina e napoleonica / a cura di A.M. Rao.* Roma, 1999. P. 89–122.

³⁷ *Lewis G.* The Continuity of Counter-revolution in the Department of the Gard, 1789–1815. New York, 1978.

³⁸ *Guerci L.* Uno spettacolo non mai piu veduto nel mondo. La Rivoluzione francese come unica e rovesciamento negli scrittori controrivoluzionari Italiani (1789–1799). Torino, 2008.

³⁹ *Maistre J.* Lettres d’un royaliste savoisien à ses compatriotes publiées, pour la première fois, en France d’après l’original, très rare, de l’année 1793 / par Joseph de Maistre et précédées d’une préface par René Muffat. Paris; Lyon, 1872.

⁴⁰ *Guichonnet P.* Les monts en feu: la guerre en Faucigny, 1793. Annecy, 1994.

⁴¹ *Thiulen L.I.* Nuovo cocobolario filosofico-democratico indispensabile per ognuno che brama intendere la nuova lingua rivoluzionaria. Venezia, 1799.

⁴² *Broers M.* The parochial revolution: 1799 and the counter-revolution in Italy // *Renaissance and Modern Studies.* 1989. № 33 (1). P. 159–174. См. также: *Broers M.* The Napoleonic Mediterranean. London; New York, 2017.

⁴³ *Митрофанов А.А.* Повстанческое движение барбэ в Приморских Альпах и французские роялисты в 1800 г. // *Французский ежегодник 2022.* Т. 55. М., 2022. С. 118–137; *Papiers saisis à Bayreuth et a Mende, département de la Lozère.* Paris, an X (1802). P. 24–66.

«республиканского трехлетия» 1796–1799 гг. в Италии, а это не подвергается сомнению, то между 1800 и 1814 гг. мощные имперские интеграционные процессы и государственное строительство по французскому образцу осуществлялись с немалым успехом. Это происходило не только в итальянских землях. Но приведенные нами итальянские примеры показывают, насколько сложными были социальные и политические отношения в разных регионах Средиземноморья и насколько проблематично одну из альтернатив общественного развития трактовать как стержневую. Тем не менее эта попытка объяснить весь феномен «долгой контрреволюции» через существенные позитивные примеры и характеристики заслуживает пристального внимания, ибо в конце концов монархическая идея не была чужда народным массам и это все же способствовало утверждению режимов Реставрации после 1814 г.

Библиография / References

- Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В.* Французская революция. М., 2020.
- Митрофанов А.А.* Повстанческое движение барбэ в Приморских Альпах и французские роялисты в 1800 г. // Французский ежегодник 2022. Т. 55. М., 2022. С. 118–137.
- Митрофанов А.А.* Христианское воинство Бранды Лучони. Два века черной легенды // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 116–140.
- Чудинов А.В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 25–41.
- Bovykin D. Yu., Tchoudinov A. V.* Frantsuzskaya revolyutsia [The French Revolution]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Mitrofanov A.A.* Hristianskoe voinstvo Brandy Luchoni. Dva veka chernoj legendy [Massa cristiana of Branda Lucioni. Two centuries of black legend] // Frantsuzskii ezhegodnik [French Yearbook]. 2023. T. 56. Moskva, 2023. S. 116–140. (In Russ.)
- Mitrofanov A.A.* Povstancheskoe dvizhenie barbe v Primorskikh Al'pakh i frantsuzskie royalisty v 1800 godu [The insurgent movement of the Barbets in the Alpes-Maritimes and the French royalists in 1800] // Frantsuzskii ezhegodnik [French Yearbook] 2022. T. 55. Moskva, 2022. S. 118–137. (In Russ.)
- Tchoudinov A.V.* “Soldaty svobody” ili smertel'nyi vrage? Frantsuzy v Yuzhnoj Italii 1798–1799 gg. [“Soldiers of freedom” or mortal enemy? The French in Southern Italy, 1798–1799] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta [Bulletin of Ural Federal State University]. Ser. 2. Gumanitarny'e nauki [Humanities]. 2016. T. 18. № 2 (151). S. 25–41. (In Russ.)
- Albera M., Sanguinetti O.* Il maggiore Branda de' Lucioni e la “Massa cristiana”. Aspetti e figure dell'insorgenza anti-giacobina e della liberazione del Piemonte nel 1799. Torino, 1999.
- Aulard A.* Histoire politique de la Révolution française, origines et développement de la démocratie et de la République (1789–1804). Paris, 1901.
- Bertaud J.-P.* Les royalistes et Napoléon 1799–1816. Paris, 2009.
- Bevilacqua E.* Le Pasque Veronesi. Monografia storica documentata. Verona, 1897.
- Beyond the Terror: Essays in French regional and social history 1794–1815 / eds G. Lewis, C. Lucas. Cambridge, 1983.
- Bonafini F.* Verona 1797. Il Furore di una città. Verona, 1997.
- Broers M.* Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821: state building in Piedmont. New York, 1997.
- Broers M.* The Napoleonic Mediterranean. London; New York, 2017.
- Broers M.* The parochial revolution: 1799 and the counter-revolution in Italy // Renaissance and Modern Studies. 1989. № 33 (1). P. 159–174.
- Broers M.* The politics of religion in Napoleonic Italy. The war against God, 1801–1814. London; New York, 2002.
- Broers M.* Napoleon's Other War. Bandits, rebels and their pursuers in the age of revolutions. Oxford, 2010.
- Cadet N.* Honneur et violences de guerre au temps de Napoléon: la campagne de Calabre. Paris, 2015.
- Carta L.* La Sardegna nel Settecento. Cagliari, 2023.
- Chopelin P.* Royalismes et royalistes dans la France révolutionnaire // Annales historiques de la Révolution française. 2021. Vol. 403. P. 3–28.
- Chopelin P.* Royalist Commitment in the Age of the Atlantic Revolutions (1770s–1820s): Some Initial Definitions and Guidelines for Future Research // Royalism, War and Popular Politics in the Age of Revolutions, 1780s–1870s. Cham, 2023. P. 17–38.
- Clay S.* Justice, vengeance et passé révolutionnaire: les crimes de la terreur blanche // Annales historiques de la Révolution française. 2007. № 350. P. 109–133.
- Clay S.* Les réactions du midi: conflits, continuités et violences // Annales historiques de la Révolution française. 2006. № 345. P. 55–91.

- Daudet E.* Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. T. I–II. Paris, 1904–1905.
- Daudet E.* Histoire des conspirations royalistes du midi sous la révolution (1790–1793). Paris, 1881.
- Davis J.A.* Naples and Napoleon. Southern Italy and the European Revolutions, 1780–1860. Oxford; New York, 2006.
- Dupuy R.* De la Révolution à la Chouannerie: Paysans en Bretagne, 1788–1796. Paris, 1988.
- Echeverri M.* Presentation: Monarchy, Empire, and Popular Politics in the Atlantic Age of Revolutions // *Varia Historica*. 2019. № 35 (67). P. 15–35.
- Folle controrivoluzionarie. Le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica / a cura di A.-M. Rao. Rome, 1999.
- Gaubert H.* Conspirateurs au temps de Napoleon I-er. Paris, 1962.
- Gengembre G.* La Contre-Révolution ou l'Histoire désespérante. Paris, 1989.
- Godechot J.* La contre-révolution: Doctrine et action, 1789–1804. Paris, 1961.
- Guerci L.* Uno spettacolo non mai più veduto nel mondo. La Rivoluzione francese come unicità e rovesciamento negli scrittori controrivoluzionari Italiani (1789–1799). Torino, 2008.
- Guichonnet P.* Les monts en feu : la guerre en Faucigny, 1793. Annecy, 1994.
- Iafelice M.* Barbets! La résistance à la domination française dans le pays niçois 1792–1814. Nice, 1998.
- La Contre-Révolution en Europe (XVIII-e–XIX-e siècles): Réalités politiques et sociales, résonances culturelles et idéologiques / sous la dir. J.-C. Martin. Rennes, 2001.
- Leuwers H.* La Révolution française et l'Empire. Une France révolutionnée, 1787–1815. Paris, 2011.
- Lewis G.* The Continuity of Counter-revolution in the Department of the Gard, 1789–1815. New York, 1978.
- Lucas C.* Résistances populaires à la Révolution dans le sud-est // *Mouvements populaires et conscience sociale XVI-e–XIX-e siècles*. Paris, 1985. P. 473–485.
- Maistre J.* Lettres d'un royaliste savoisien à ses compatriotes publiées, pour la première fois, en France d'après l'original, très rare, de l'année 1793 / par Joseph de Maistre et précédées d'une préface par René Muffat. Paris; Lyon, 1872.
- Martin J.-C.* Contre-révolution, révolution et nation en France, 1789–1799. Paris, 1998.
- Martin J.-C.* Un bicentenaire en cache un autre. Repenser la Terreur ? // *Annales historiques de la Révolution française*. 1994. № 297. P. 517–526.
- Mazauric C.* Autopsie d'un échec: la résistance à l'anti-Révolution et la défaite de la Contre-Révolution // *Les résistances à la Révolution*. Paris, 1987. P. 237–244.
- Middell M., Dupuy R., Höpel T.* Widerstände gegen Revolutionen, 1789 bis 1815. Leipzig, 1994.
- Minart G.* Les opposants à Napoléon. 1800–1815, l'élimination des royalistes et des républicains. Toulouse, 2003.
- Osen J.L.* The royalist political thought during the French Revolution. Westport (CT), 1995.
- Papiers saisis à Bayreuth et à Mende, département de la Lozère. Paris, an X (1802).
- Pestel F.* On counterrevolution. Semantic investigations of a counterconcept during the French Revolution // *Contributions to the History of Concepts*. 2017. Vol. 12. Iss. 2. P. 50–75.
- Rodolico N.* Il Popolo agli inizi del Risorgimento nell'Italia Meridionale 1799–1801. Florence, 1926.
- Romagnani G.P.* Dalle "Pasque veronesi" ai moti agrari del Piemonte // *Folle controrivoluzionarie. Le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica* / a cura di A.M. Rao. Roma, 1999. P. 89–122.
- Royalism, War and Popular Politics in the Age of Revolutions, 1780s–1870s. Cham, 2023.
- Sutherland D.* France, 1789–1815: Revolution and Counterrevolution. London, 1985.
- Sutherland D.* Murder in Aubagne: lynching, law, and justice during the French Revolution. New York, 2009.
- Sutherland D.* The Chouans, the Social Origins of Popular Counter-Revolution in Upper Brittany, 1770–1796. Oxford, 1982.
- Thiulen L.I.* Nuovo vocabolario filosofico-democratico indispensabile per ognuno che brama intendere la nuova lingua rivoluzionaria. Venezia, 1799.
- Turi G.* Guerre civili in Italia: 1796–1799. Roma, 2019.
- Turi G.* Viva Maria. Riforme, rivoluzione e insorgenze in Toscana (1790–1799). 2 ed. Bologna, 1999.
- Villefosse L., Bouissououse J.* L'opposition à Napoléon. Paris, 1969.